

Но... она ведь только что велела ей приползти?

Приползти к её ногам — пусть так.

В конце концов, какая разница между этим телом, этим жалким подобием человека и обычной собакой?

Она согнула колени, уже давно не выносившие этой тяжести, и коленные чашечки с глухим стуком ударились о холодный, твердый камень жертвенника.

Она опустилась на четвереньки, уперевшись руками в грубую каменную поверхность, и мелкие песчинки впились в раны на ладонях.

А затем она поползи.

Тяжело зазвенели цепи, ошейник впился в горло, дыхание мгновенно перехватило.

Туда, вперед — достанется ли ей глоток воды, хоть крошка еды? Но, по правде говоря, это уже не имело никакого значения.

В ушах звенело от собственного тяжелого хрипа, смешанного с восторженным и презренным свистом толпы.

Она не знала, сколько времени провела в этом ползке.

Наконец, в каких-то десяти шагах от заветных сапог, она резко остановилась.

Цинь Сяояо собрала последние силы, оперлась на дрожащие руки и медленно поднялась.

Она подняла голову и наконец по-смотрела прямо на Цзян Ханьюй.

— Ха.

Цинь Сяояо криво дернула уголками рта, пытаясь усмехнуться, но вырвался лишь надтреснутый, сиплый вздох.

Как же всё-таки жаль.

В конце концов, ей так и не удалось никого спасти.

А теперь и она сама докатилась до такой жизни.

Словно сломанная, заигранная до дыр игрушка, которую притащили сюда лишь для того, чтобы зеваки могли поглазеть на её останки.

Но, к счастью.

Они уже этого не видят.

Сквозь какую-то пелену подумала Цинь Сяояо.

Иначе они бы снова стали её бранить, да?

Ей вдруг показалось это донельзя нелепым, захотелось заплакать, но глаза были сухими и жгуче болели, не в силах выронить ни единой слезинки.

Она закинула голову, глядя в высокое небо.

Молить небеса о милосердии?

Когда-то она дарила той, что стояла перед ней, всё тепло и защиту, на которые только была способна.

Она верила, что это благие семена, которые принесут добрые плоды.

Пока Секта Юйцин не пала, и та самая девушка, которую она некогда укрывала под своим крылом, ступая по горам трупов и рекам крови, не коснулась её лица рукой, обогрётной кровью её же сородичей.

В тот миг её мир рухнул.

Она сопротивлялась, боролась, исчерпала все мыслимые и немыслимые способы, но в конце концов всё равно проиграла.

Должно быть, я самая никчемная попаданка на свете, верно?

Оцепенело думала Цинь Сяояо, глядя в ту недостижимую высь.

Не сумела никого спасти, не смогла изменить ровным счетом ничего.

Какая же я, воистину, полная неудачница.

— Ха-ха... ха-ха... ха-ха-ха-ха...

Цинь Сяояо наконец рассмеялась, смех звучал безумно, и вместе с ним из её рта закапала кровь.

Никто вокруг не понимал, чему она смеется.

Цзян Ханьюй смотрела на её безумный смех, слегка сдвинув брови.

— Ты... опять припадок?

Но в этот самый миг она заметила руку Цинь Сяояо, на которой блеснуло холодное, леденящее острие.

Это был кинжал.

Его лезвие было отточено с невероятной тщательностью, и в блеклом свете дня по нему переливался зловещий синеватый отблеск.

Смазан смертельным ядом.

Последняя искра тепла исчезла из глаз Цзян Ханьюй.

Воздух вокруг словно застыл на месте.

— Ха.

Цзян Ханьюй вдруг тихонько усмехнулась.

— Даже не знаю, какой это по счету раз, когда ты пытаешься сделать нечто подобное.

Её голос звучал мягко, но отчетливо долетал до ушей каждого зеваки внизу.

— Каждый раз исход неизменен, неужели до тебя до сих пор не дошло?

Она ступила вперед на полшага, и подол её черных как ночь одежд скользнул по холодному камню жертвенника.

— Сяояо, — взгляд Цзян Ханьюй скользнул по ранам, покрывавшим всё тело Цинь Сяояо. — В нынешнем состоянии ты тратишь все силы лишь на то, чтобы просто стоять на ногах. Что ты ещё можешь сделать?

Цинь Сяояо с зажатым в руке кинжалом не шевельнулась, продолжая смотреть на неё.

Её взгляд оставался пустым и отрешенным, словно она вовсе не слышала этих слов.

— Убить меня? — Цзян Ханьюй чуть склонила голову набок. — Тебе это не под силу. Разве ты сама не знаешь, сколько скрытых увечий таят твои кости и меридианы?

— Или хочешь покончить с собой? — её взгляд опустился на грудь Цинь Сяояо, и она подняла руку. — В тебе затаился взлелеянный моими собственными руками Гу Единого Сердца.

Голос её постепенно понижался, становясь всё тяжелее.

— Цинь Сяояо, почему ты снова и снова так злишь меня?!

— Хотя еще вчера мне казалось, что я преподала тебе более чем достаточно уроков.

В этих последних словах сквозила леденящая душу, жуткая жестокость.

На этот раз Цинь Сяояо всё же отреагировала.

Она чуть повела уголками рта, пытаясь изобразить настоящее выражение улыбки, но вышла лишь гримаса, куда более страшная, чем слезы.

— Я ничего больше не хочу делать.

Её голос страшно охрип.

— И я прекрасно знаю, что не смогу убить тебя.

— Я просто хочу стать как они.

— Раз уж игра проиграна, нужно принять поражение до конца.

Она на мгновение умолкла, и в её пустых глазах промелькнула почти нежная тоска.

— Как все те, кто погиб в Секте Юйцин, кто погиб прошлой ночью... Как они, я хочу перестать жить в таком изнуряющем бремени.

— Я уже до смерти устала, Цзян Ханьюй.

— Эта борьба с тобой отнимает все силы.

— Каждый день, каждую секунду — даже просто дышать невыносимо больно.

— Ломаются кости — болит, срстаются раны — зудит, а здесь...

Свободной от кинжала рукой она легко коснулась пальцами левой стороны груди — там некогда поселили личинку червя, и всё внутри уже давно превратилось сплошное месиво из шрамов.

— Ещё больнее, и ещё тяжелее.

— Так что... я больше не хочу влачить такое жалкое существование.

Едва слова сорвались с губ, как в отражении резко сузившихся зрачков Цзян Ханьюй рука Цинь Сяояо с зажатым кинжалом без малейшего колебания стремительно взметнулась вперед!

Хлюп!

Острое лезвие, щедро смазанное смертельным ядом, беспрепятственно прорвало лоскуты рваной одежды и глубоко вонзилось в левую сторону её груди.

Время в этот миг словно растянулось до бесконечности.

На лице Цзян Ханьюй треснула маска ледяного равнодушия — прямо в тот самый момент, когда кинжал вошел в сердце.

Что она увидела?

В этих глазах, вечно полных ненависти, она увидела долгожданное освобождение.

Она увидела, как темно-красная кровь хлынула из раны и из уголка рта.

Но как же Гу Единого Сердца?!

Почему он никак не отреагировал?!

Это осознание ударило подобно громовому раскату, разбив вдребезги всё хладнокровие Цзян Ханьюй.

Червь был извлечен?!

Когда?! Под её-то неусыпным надзором и жестким контролем? Как это вообще возможно?!

Нет... погодите! Сейчас не время думать об этом!

— Нет! Не смей!

Истошный вопль, едва ли похожий на человеческий звук, вырвался из горла Цзян Ханьюй.

Она протянула руки, отчаянно пытаясь хоть за что-то ухватиться.

Но Цинь Сяояо уже ничего не видела.

Яд стремительно разнесся с кровью по всему телу, унося последние остатки сил и чувствительности.

Боль... кажется, она тоже исчезла.

Осталось лишь странное ощущение, будто с плеч сняли тысячепудовый груз, разливающееся по каждой косточке.

Пальцы, сжимавшие рукоять кинжала, разжались.

Обагранный кровью клинок остался торчать в груди, слегка покачиваясь по мере того, как тело заваливалось назад.

А затем она начала падать спиной назад.

В глазах отразилось небо, на которое она так долго смотрела и до которого так и не смогла дотянуться — в них вспыхнул свет, давно уже не посещавший её взор.

Она вдруг невероятно медленно раскинула руки.

Словно птица, наконец сорвавшаяся со всех цепей, но перед самым падением совершающая последнее объятие этой призрачной свободы.

Как же хорошо...

На этот раз она улыбалась искренне и счастливо.

В конце концов... это я снова одержала победу, да?

Мысли окончательно погрузились в беспредельную тьму, и последняя из них прозвучала так легко, словно тихий вздох.

Разве могло такое жуткое чистилище начаться когда-то просто так?

Быть может, исход был предreshен еще в тот самый день.

<http://bllate.org/book/19487/1910259>